

О хрень безумная!

Михаил Петров

«Летом в доме завелась крыса, молодая и наглая. С крысой можно мириться зимой, когда дом пустует и на улице холодно. Ей тоже холодно и голодно, можно и пожалеть тварь.

Весной я обнаружил, что крыса устроила себе гнездо в сортире. Извела два рулона туалетной бумаги, а вот забытую на стульчаке книгу не тронула. И я восхитился, однако не тому, что книга осталась нетронутой, а тому, какому автору повезло – Демьяну Бедному! Два рулона пипифакса были немедленно прощены.

Вскоре крыса стала шариться по кухне, брать что плохо лежит, вскрывать пакеты с крупой и макаронами, срать на столе и вообще вести себя нагло – шастать по кухне среди бела дня. Над мышеловками она насмеялась: ночь за ночью механизмы срабатывали впустую, приманка оставалась нетронутой и только какашек на столе прибавлялось. Так продолжалось неделю, до тех пор, пока я не сменил тактику охоты. Мышеловки тщательно смазывал свиным жиром и ставил в таких местах, где к наживке можно было подобраться только одним путём. Через две ночи крысёныш попался, но вот что удивительно: ночное шастанье по кухне не прекратилось и однажды вечером ловушка сработала снова. И тут только я догадался, что орудовала семейная пара.

Лето прошло без приключений и без мышинной охоты. Но вот однажды сентябрьским вечером мы сидели на открытой веранде. Под водку неспешно беседовали о том о сём – о политике, о телевидении, о паскудном поведении соотечественников. Случайно уронили на пол шматок колбасы. Из темноты метнулась серая тень и колбаса мгновенно исчезла. Через неделю я обнаружил, что забытый на кухонном столе внушительных размеров томат наполовину сгрызен, а вокру всё усыпано крысиным помётом. Это было равноценно объявлению боевых действий.

Четыре мышеловки были извлечены из мастерской, обильно смазаны свиным жиром и начинены салом. Две маленькие были разряжены в первую же ночь, а томат уменьшился на треть. На вторую ночь всё повторилось. Обе маленькие ловушки валялись на полу в кухне с нетронутой наживкой, но зато в окружении какашек. На третью ночь сработала ловушка на крыльце. Утром я с трудом вытащил её из под крыльца. Из наживки торчали зубы, а ловушка была вымазана кровью. Я сразу понял, что за за кровь и зубы буду наказан.

Следующей ночью ловушки оказались не тронуты, но томат догрызен до конца, а на его месте были рассыпаны свежие какашки. Длинные стеариновые свечи в коробке были разгызены в мелкую труху. В пластиковой банке с солью (!) обнаружилась дыра диаметром в большой палец руки. В рулоне с бумажными полотенцами был выгрызен клочок размером с куриное яйцо. Следы зубов отыскивались даже на электропроводе удлиннителя. Но что особенно обидно, что кучка крысиного дерьма была выставлена напоказ посередине кухонного стола.

Днём я заглянул в строительный магазин прикупить на всякий случай крысиной отравы. Отравы и ловушки для неё доверия у меня не вызвали: дорого и ненадёжно. Наконец, отравы это не мужское занятие. Под вечер я вновь выставил ловушки. Механизм на крыльце сработал поздно вечером, но вхолостую и опять наживка не была тронута. Мне просто показали, кто в доме хозяин, беззубый, но всё же хозяин. Утром я обнаружил, что ловушки в кухне разбросаны по полу. В пластиковом кухонном тазике была прогрызена дыра.

Днём я прочёл в интернете всё, что крысолову следует знать о повадках серых и наглых тварей, точнее об их коллективном разуме. Авторы сходились в том, что крысы отлично учатся на ошибках. Это значит, что мои ловушки потеряли свой смысл, когда в одной из них остались зубы ночного хищника, а не его морда. Однако я решил иначе. Если крыса не боится ловушек, играет с ними, то однажды она потеряет осторожность. Неделю я мазал салом ловушки, отбивая запах металла и резал свежую наживку из свиной шкуры с салом. Напрасно.

Прошло ещё несколько ночей и вот однажды утром я обнаружил в ловушке молодую крысу. Морда была рассечена рамкой надвое, смерть наступила мгновенно. Поразило, насколько ухоженной, лоснящейся была её шерсть. Милая округлостью ушей и умные глазки бусинки придавала покойнице сходство с классическим Микки Маусом. Казалось, что Микки вот вот встрепенётся и откинет какой-нибудь сногшибательный танцевальный номер под мелодию «Hit the Road Jack». Но нет: лапы склеены, тушка окоченела, и только лысый хвост задорно торчит в потолок. (Или в небо?)

Похороны Микки Мауса прошли более чем скромно: тушка отправилась на съедение садовым муравьям. Однако расслабляться я не стал. И вечером вновь снарядил все ловушки. Утро не было украшено результатом. Прошло три ночи. Наживка была не тронута, ловушки оставались на местах.

Однажды утром я смотрел на дождь за окном, как вдруг заметил в траве самую большую ловушку – четвертую! – про которую забыл с первого же дня охоты. Она простояла в траве, и вот сработала. Когда взбрыкнула мощная пружина, ловушку вместе с жертвой подбросило в воздух и перевернуло. Крыса оказалась точной копией давешнего Микки Мауса, наприличию на него похожей. Казалось, что Микки бессмертен. Я и не знал, что Микки соперничает по количеству изображений на всяких носителях информации только с лидером хит-парада – Адольфом Гитлером.

Разглядывая крысу я обратил внимание на мордочку, рассечённую рамкой напополам и уткнувшуюся в мумифицированное сало. Вспомнилась песенка из блокбастера «Сумеречный патруль», некогда ставшего инферальным откровением для рождённых в СССР взрослых тётенек и дяденек: «И треснул мир напополам!». Пасть гадёныша полуоткрылась и обнажила верхнюю челюсть с недостающими зубами, и это всё объясняло.

Миссис Минни Маус была неосторожна, когда потеряла передние зубы. О калеке заботился мистер Маус. И вот он исчез на несколько ночей. Обезумевшая от голода и тоски беззубая миссис Маус в порыве отчаяния бросилась под пружину огромной ловушки.

О хрень безумная! Любовью я не могу это назвать, скорее речь должна идти о привязанности, но какая же это хрень! Смерти от голода и отчаяния миссис Минни, подобно толстовской Анне Карениной, предпочла мгновенную смерть от механического устройства...»

Редактор вернулся к первой странице и выбрав в органайзере широкий жёлтый фломастер провёл им по заголовку. В наше демократическое время фломастер предлагал автору добровольно, но в принудительном порядке поменять оригинальный текст на что-либо банальное, но более пристойное.

Фломастер прошёлся по заглавию и упоминанию имени Демьяна Бедного: «Незачем гусей дразнить, да и пипифакс надо бы поменять на туалетную бумагу».

На две страницы авторского текста пришлось дюжина жёлтых помарок. Пометив последнее упоминание о семействе Маус, редактор без колебания вычеркнул слово «хрень» и самодовольно улыбнулся. На память ему пришли строки из поэмы Твардовского «Тёркин на том свете» про редактора из «Гробгазеты». Отказав Тёркину в публикации жалобы, редактор возвращается к работе:

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,
То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

Мало теперь, кто знает, что в советское время в редакторы отбирали не умных и грамотных, а тех кто мог безошибочно вырезать в любой статье, в любом авторском произведении яйца, то есть именно то, без чего всё произведение теряет смысл. Это и есть та самая – главная причина, по которой вся кастрированная цензорами советская литература – как бы чего не вышло! – не пережила советскую власть даже на два десятка лет.

Редактор был доволен. вспомнилось любимое кресло в любимом кабинете. Эротически острó, аж до умственного оргазма вспомнилось, как после правки красной пастой, с чувством глубокого удовлетворения ставил на первой странице штампик цензора. Вспомнилось как потом авторы терялись в догадках: и когда это он успел согласовать с цензором, не выходя из кабинета?

Редактор зачехлил жёлтый фломастер:

«Хрен вам, а не Микки Маус с пипифаксом! И не томат, а помидор! Я вас, бляди, научу любить русскую литературу и русский язык!»